

МоиМ родителям,
поведавшим мне истории,
которые помогли написать
эту книгу

Любуйтесь ей в последний раз, глаза!
Ее в последний раз обвейте, руки!
И губы, вы, преддверия души,
Запечатлейте долгим поцелуем
Бессрочный договор с небытием¹.

Уильям Шекспир
«Ромео и Джульетта»

¹ Пер. Б. Пастернака.

Глава один

ЯНВАРЬ 1927

Новый год прошел в Шанхае с такой помпой, что ощущение праздника продолжало витать в воздухе даже неделю спустя. Оно придавало походке людей пружинистость, а их глазам блеск, когда они наклонялись к своим спутникам в Большом кино-театре, чтобы что-то им прошептать. Праздник звучал в громкой джазовой музыке, доносящейся из кабаре напротив, им дышало быстрое мелькание раскрашенных бамбуковых вееров, он ощущался в запахе жареной еды, тайком пронесенной в кинозал, несмотря на строгие правила в Первом зале. Празднование Нового года по григорианскому календарю пришло с Запада, но западные обычаи уже давно пустили здесь глубокие корни.

Бушевавшему в Шанхае массовому помешательству пришел конец. Улицы вернулись к безудержному кутежу, и ночи снова стали бесконечными — как нынешняя ночь, когда зрители, досмотрев фильм, гуляют вдоль берега Хуанпу до самого рассвета — ведь теперь в ее водах не таится чудовище. Прошло четыре месяца с тех пор, как Шанхайское чудовище было застрелено, а его тушу бросили гнить на причале возле набережной Бунд. Теперь обыватели беспокоились только об одном — о засилье гангстеров... и о том, что на улицах появляется все больше тел, изрешеченных дырками от пуль.

Джульетта Цай наклонилась над перилами бельэтажа и, прирившись, посмотрела на партер Первого зала. Отсюда, с вы-

соты, она могла видеть почти все, что происходило внизу, могла разглядеть все детали хаоса, царящего под золочеными люстрами. Конечно, было бы куда лучше, если бы она находилась внизу и общалась с торговцем, из-за которого ее послали сюда, а не просто разглядывала его сверху. Но сегодня она смогла купить билеты только на эти места, потому что задание ей дали слишком поздно, чтобы приобрести места в партере, где можно было бы поговорить.

— Ты так и будешь весь вечер сидеть с кислой миной?

Джульетта повернулась и посмотрела на свою кузину. Кэтлин Лан сидела рядом, скривив губы, пока зрители вокруг них искали свои места, чтобы занять их до того, как начнется фильм.

— Да, — проворчала Джульетта. — Ведь сейчас я могла бы заниматься куда более интересным делом.

Кэтлин закатила глаза, затем показала вперед — на места, указанные в их билетах. Корешки были оторваны неровно, потому что напиравшая толпа сбила цилиндр одетого в униформу паренька-билетера ему на глаза, и он не смог поправить его, поскольку зрители — как иностранцы, так и богатые китайцы — продолжили совать ему в лицо все новые билеты, возмущенно фыркая из-за того, что он слишком медленно работает. Ведь в таких местах обслуживание должно быть на уровне — как-никак цены на билеты в Большой кинотеатр заоблачные, и люди приходили сюда за особыми впечатлениями, которым способствовали и изогнутые балки здешних потолков, и фигурные решетки из кованого железа, и итальянский мрамор, и изящно выполненные надписи на дверях — на английском, никаких китайских иероглифов.

— Что может быть важнее этого? — удивилась Кэтлин. Они заняли свои места в переднем ряду второго яруса бельэтажа, откуда было отлично видно как экран, так и тех, кто сидел внизу. — Созерцание стены твоей спальни, которому ты отдаешься все последние месяцы?

Джульетта нахмурилась.

— Я делаю не только это.

— А, ну извини. Как я могла забыть? Ты еще орешь на политиков.

Недовольно фыркнув, Джульетта откинулась на спинку сиденья и сложила руки на груди, отчего бисер на ее рукавах издал щелкающий звук, ударившись о бусы. Звук получился неприятный, но он легко слился с какофонией, царящей в кинозале.

— Баба¹ и так все время упрекает меня за то, что я расстроила того деятеля Гоминьдана, — проворчала Джульетта. Она уже начала разглядывать зрителей внизу, вспоминая их имена и отмечая про себя тех, кто мог бы заметить ее присутствие. — Хоть ты не начинай.

Кэтлин хмыкнула и поставила локоть на разделяющий их подлокотник.

— Я просто беспокоюсь за тебя, *biâomei*².

— Беспокоишься из-за чего? Я все время на кого-то ору.

— Господин Цай нечасто делает тебе выговоры. Думаю, это может говорить о том, что...

Джульетта подалась вперед. Ей захотелось вскрикнуть, но она не позволила себе этого сделать, и крик замер в горле, холодея корень ее языка. Кэтлин сразу насторожилась, глядя вниз и пытаясь понять, что вдруг стерло румянец с лица Джульетты.

— Что? — спросила она. — Что там? Мне позвать наших?

— Нет, — прошептала Джульетта, с усилием сглотнув. Свет постепенно гас, и по проходам начали ходить билетеры, заставляя зрителей рассестись по своим местам. — Это была просто икота.

Ее кузина, нахмутив брови, продолжила всматриваться в зал.

— Что там? — повторила она.

Джульетта показала, и, когда Кэтлин тоже устремила взгляд туда, они обе воззрились на человека, который проталкивался сквозь толпу.

— Похоже, мы не единственные, кого послали сюда с заданием.

¹ Вáба — папа (*кит.*).

² Двоюродная сестра (*кит.*).

В партере Рома Монтеков беззаботно улыбнулся и, подойдя к торговцу, ради которого их послали в кинотеатр, пожал ему руку.

Джюльетта сжала кулаки.

Она не видела Рому с октября, когда город сотрясали протесты в Наньши, создав прецедент для тех, которые последовали зимой. Она не видела его лично, но чувствовала его присутствие повсеместно: о нем говорили белые цветы в окоченевших руках разбросанных по городу трупов, внезапные исчезновения деловых партнеров — кровная вражда оставляла свой след везде. С тех пор, как в городе узнали о противостоянии между Ромой Монтековым и Тайлером Цаем, кровная вражда вновь достигла ужасающих высот. Теперь соперничающим бандам больше не надо было опасаться, что их члены падут жертвой помешательства, так что их помыслы заняли мщение и честь, и, хотя разные люди рассказывали разное о том, что в тот день произошло между Алой бандой и Белыми цветами, все сходилось в одном: в маленькой больнице на окраине Шанхая Рома Монтеков выстрелил в Тайлера Цая, и, защищая своего кузена, Джюльетта Цай хладнокровно убила Маршалла Сео. И теперь обе стороны жаждали мщения. Белые цветы напирала на Алую банду, и Алые отвечали тем же, ибо у них не было другого выхода. Но как бы тесно Алые ни сотрудничали с деятелями Гомиьндана, все в городе чувствовали, что что-то меняется, все видели, как толпы становятся все больше всякий раз, когда коммунисты пытаются устроить забастовку. Скоро политический ландшафт изменится, и тогда нынешнему беззаконию настанет конец. Обе соперничающие банды, правящие городом железной рукой, понимали: либо они будут беспощадно оборонять свою территорию сейчас, либо в дело вступит более могучая сила, и тогда им уже не удастся отстоять свои владения.

— Джюльетта, — тихо проговорила Кэтлин, глядя то на свою кузину, то на Рому, — что произошло между вами двоими?

У Джульетты не было ответа на этот вопрос — у нее не было ответа, кто бы ни спрашивал ее об этом. Кэтлин заслуживала объяснения, заслуживала того, чтобы узнать, почему все в городе говорили, что Джульетта в упор застрелила Маршалла Сео, хотя прежде они были так дружны, и почему Рома Монтеков везде раскидывал белые цветы в насмешку над жертвами их кровной вражды, хотя прежде он был так мягок с Джульеттой. Но если Кэтлин узнает их тайну, она тоже будет втянута в эту кашу. Тайлер начнет подозревать и ее, и она тоже станет мишенью для его пистолета.

Лучше ничего не говорить. Лучше продолжать притворяться, пока — быть может — не появится шанс спасти этот город, разваливающийся на части.

— Начинается фильм, — сказала Джульетта, так и не ответив на вопрос.

— Джульетта, ответь, — гнула свое Кэтлин.

Джульетта стиснула зубы. «Интересно, — думала она, — может ли мой тон хоть кого-то обмануть?» В Нью-Йорке ей отлично удавалось лгать и притворяться, тогда она была совершенно другим человеком. Но последние месяцы истощили ее способность к притворству, так что от этого ее умения ничего не осталось.

— Он ничего не предпринимает. Смотри, он просто садится на свое место.

И правда, поздоровавшись, Рома просто отошел от торговца и уселся на место с самого края, находящееся на два ряда сзади. Ничего, ей и этому торговцу нет нужды вести долгие разговоры. Надо просто последить за ним и подойти к нему в антракте. Удивительно, что ее вообще послали сюда, чтобы поговорить с каким-то торговцем. Алая банда редко искала встреч с потенциальными клиентами, они сами находили их. Но, в отличие от своих коллег, этот торговец не занимался наркотиками. Он прибыл в Шанхай на прошлой неделе с каким-то новым английским устройством — Джульетта не знала, что это было, ее родители ничего ей не объяснили, сказав только, что это некое оружие и что Алая банда хочет приобрести его.

Если до этого оружия пытаются добраться и Белые цветы, значит, это что-то важное. Джульетта отметила про себя, что позже ей надо будет выяснить все детали.

Свет погас. Кэтлин повернулась, и ее пальцы вцепились в просторные рукава ее пальто.

— Расслабься, — прошептала Джульетта. — Этот фильм прибыл сюда прямиком с премьеры на Манхэттене. Это будет отличное развлечение.

Фильм начался. Первый зал был самым большим в кинотеатре, и звуки оркестра доносились со всех сторон. Каждое сиденье было оснащено собственным устройством для перевода, читающим текст, который сопровождал немой фильм. Парочка, сидящая слева от Джульетты, надела наушники и возбужденно переговаривалась, слушая перевод на китайский. Джульетте наушники были не нужны не только потому, что она могла читать по-английски, но и потому, что она толком не смотрела фильм. Ее взгляд, как она ни старалась, то и дело устремлялся вниз.

«Не будь дурой», — укорила она себя. Она сама втянула себя в эту ситуацию и теперь не станет об этом жалеть. Сделать это было необходимо.

Но она все равно не могла не поглядывать вниз.

Прошло только три месяца, но Рома изменился. Она, разумеется, знала об этом из доходящих до нее сообщений об убитых гангстерах, рядом с трупами которых находили корейские иероглифы, выведенные кровью. Этих трупов на территории Алых становилось все больше, как будто Белые цветы проверяли, как далеко они могут зайти. Маловероятно, что Рома специально выискивал Алых, чтобы убивать из мести — он не мог дойти до такого, — но всякий раз, когда вспыхивал конфликт, послание было ясным: *«Это твоя вина, Джульетта»*.

Именно она, Джульетта, подняла градус вражды, именно она выстрелила в Маршалла Сео и сказала Роме в лицо, что все то, что между ними происходило, было ложью. Так что теперь кровь, которую он проливал, была его мстью ей.

И выглядел он соответственно этой роли. В какой-то момент он сменил свои темные костюмы на одежду более светлых тонов, и сейчас на нем был кремовый пиджак, золотистый галстук, а запонки отражали свет всякий раз, когда экран вспыхивал белым. Сидел он, не горбясь, в кресле с вытянутыми ногами, как делал прежде, чтобы в него случайно не уперся чей-нибудь взгляд.

Рома Монтеков перестал быть наследником, живущим в тени. Похоже, ему надоело, что город считает его человеком, который тайком режет глотки, у которого сердце темно, как уголь, и одежда ему под стать. Теперь он выглядел как типичный Белый цветок. Он был похож на своего отца.

Боковым зрением Джульетта заметила какое-то движение. Она моргнула и, оторвав взгляд от Ромы, всмотрелась в места через проход от его кресла. Мгновение ей казалось, что она ошиблась, что, возможно, дело в том, что ей на глаза упала прядь волос, выбившаяся из прически, затем экран вспыхнул белым, когда на Диком Западе с рельсов сошел поезд, и Джульетта увидела, как один из зрителей встал.

Лицо этого мужчины оставалось в тени, но в его руке был безошибочно различим пистолет. Он целился в торговца в первом ряду, того самого, с которым нужно было поговорить Джульетте.

— Ну уж нет, — сердито пробормотала она и протянула руку к пистолету, пристегнутому к ее бедру.

Экран погрузился в темноту, но Джульетта все равно прицелилась и нажала на спусковой крючок.

Отдача дернула пистолет вверх, и Джульетта, сжав зубы, прижалась к спинке кресла. Мужчина внизу выронил оружие — он был ранен в плечо. Выстрел не привлек внимания, поскольку в фильме тоже звучала стрельба, которая заглушила и крик мужчины. Остался незамеченным и дым, вырвавшийся из ствола ее пистолета. Фильм сопровождала оркестровая фонограмма, оглушительно звенели тарелки, так что зрители приняли выстрел за очередной удар. Все, кроме Ромы, кото-